

СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА

Михаил Фихтенгольц

МОСКВА ждала ее приезда два года — первый и последний раз Бородина пела в столице в октябре 1997 года, и с тех пор ее московские поклонники довольствовались лишь рассказами очевидцев. Издалека доносились отзвуки ее американских триумфов (последний — Амнерис в «Метрополитен-опера», сыгранная совершенно необычно, мягко и женственно) и редких петербургских выступлений. Теперь, привлеченная Юрием Башметом в качестве очередного лауреата премии Шостаковича (и обладателя 25 000 долларов), Ольга Бородина появилась в ее новом для москвичей социальном статусе — мировой оперной звезды, эксклюзивного артиста Philips Classics, фаворитки нью-йоркской «Мет». Прилетела певица, кстати, из Милана, где поет на сцене La Scala, и в час, когда вы читаете эти строки, она уже снова там.

Программа ее выступления не была известна до последнего момента, а безликая формулировка «арии и романсы русских, советских и зарубежных композиторов» не говорила ни о чем — можно было ожидать и стандартный набор известных мелодий, и что-либо более редкое и изысканное. Известен был только десерт — ария Далилы из «Самсона и Далилы» Сен-Санса, визитная карточка певицы. Ольга Бородина выбрала золотую середину между известным и неизвестным, избрав сочинения с испанским привкусом — «Испанские песни» Шостаковича, два романса Мануэля де Фальы, «Сегедилью» Кармен, а напоследок арию из «Адриенны Лекуверр» Чилеа и арию Далилы Сен-Санса (нет, не третью, коронную, припасенную для финала, а вторую). Такой расклад идеально соответствует голосу — от акварельных зарисовок Шостаковича (созданных по следам Вольфа, Дебюсси и меньше всего похожих на самого Шостаковича) до масштабных оперных излияний.

Вечер не был наполнен атмосферой радости, и не по вине Ольги Бородиной. Премия Шостаковича, относящаяся к разряду элитных концертов, вызывает к жизни все симптомы последних — мелодичный треск мобильных телефонов, показную роскошь и, конечно, свою главную «изюминку» — церемонию награждения. Ныне «вручантом» работал Олег Табаков, сменив на этом посту Никиту Михалкова, — глава «Табакерки» не смог не ошибиться, перечисляя предыдущих лауреатов премии и назвав скрипача Кремера Гидоном — с ударением на первом слоге. Невольно вспоминался тот романтический вечер Бородиной, без пафоса и официоза.

Тому октябрьскому концерту

Ольга Бородина и Юрий Башмет.
Фото ИТАР-ТАСС

двухгодичной давности, с Чайковским и Мусоргским, было суждено стать оппонентом этого и для поклонников певицы — прежняя Бородина словно спорила с нынешней. Сейчас ее голос звучит очень по-европейски, более филигранно, чем тогда; ювелирно проработан каждый пассаж, а тишайшее пиано слышно на галерке. Остались глубокие матовые обертоны и прекрасная дикция, особенно важная в камерном репертуаре. В «Испанских песнях» певица аккуратно соблюдает законы жанра, несколько сдерживая свою оперную натуру. Может показаться, что в «Мавританской шали» де Фальы голос чуть-чуть тяжелеет, не успевает за извилистыми выражающими мелодии, — впрочем, это дело вкуса. Приобретенный же европейский лоск удивительно элегантен и эффектен, обезоруживая своим качеством.

Бросается в глаза и другая приобретенная черта — эмоциональная скупость, лаконичность кульминаций, иногда умеренное их сглаживание. Особенно это чувствуется в оперных ариях — при всем техническом совершенстве исполнения чувства никогда не «зашкаливают» и эмоциональная линия остается на стандартном среднем уровне с минимальными взлетами и падениями. Ситуация была усугублена пианистом Дмитрием Ефимовым — грамотным иллюстратором, по-таперски играющим все ноты и

не проявляющим ни малейшего желания вступить с певицей в какой-то диалог. Бородина до конца отделения сохраняла свое королевское достоинство и величаво удалилась до финальной развязки, отказавшись разговаривать с журналистами в антракте.

Русская антитеза к европейскому тону, заданному певицей, получилась слишком резкой. «Наша» часть программы открылась опусом Романа Леденева «Метаморфозы темы Баха». Призванные выполнить роль интермеццо 25-минутные «Метаморфозы» порядком утомили присутствующих — блеклый букет неоклассических приемов с цитатами и аллюзиями, в котором тема Баха — лишь повод для сочинения, оказался удивительно не к месту, несмотря на качественное исполнение «Солистов Москвы» и Юрия Башмета. После взбалмошных Прелюдий и скерцо Шостаковича наступило время для Ольги Бородиной и ее звездной арии Далилы, пусть и с камерным оркестром в ремесленной аранжировке Александра Чайковского. Державшая публику «на голодном пайке» по части откровений, в финале певица превзошла все ожидания, захлестнув зал мощным потоком неевропейских страстей. Семь-десять минут полного катарсиса — вполне достаточно для нас, готовых ждать повторного приезда Ольги Бородиной еще года два.